

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Зооморфные образы в сказках и легендах коренных народов
Камчатского края

Исполнитель _____ Воробьева Алина Викторовна _____
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат филологических наук, доцент _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Непоклонова Елена Олеговна _____
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой _____ _____
(подпись)

_____ кандидат педагогический наук, доцент _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Кипнес Людмила Владимировна _____
(фамилия, имя, отчество)

«4» июня 2023 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ ЖИВОТНОГО ЭПОСА.....	8
1.1. Генезис сказок о животных и их место в системе животного эпоса.....	8
1.1.1. Предпосылки формирования животного эпоса.....	8
1.1.2. Тотемизм как мировоззренческая основа сказки о животных.....	10
1.2. Формирование сказки о животных в аспекте эволюции животного эпоса.....	14
1.3. Формирование жанра легенды в аспекте эволюции животного эпоса.....	23
1.4. Проблема генезиса зооморфных образов в животном эпосе.....	25
1.4.1. Ранние стадии эволюции образа. Образ в эпоху синкретизма.....	25
1.4.2. Эволюция зооморфных образов в животном эпосе.....	29
Глава 2. Семантика и функции зооморфных образов в сказках и легендах камчатского края.....	35
2.1. Культура и традиции коренных народов Камчатки как предпосылки формирования национального своеобразия универсальных сюжетов и образов сказки и легенды.....	35

2.2. Зооморфные образы камчатских сказок о животных и легенд: общая характеристика и классификация.	42
2.3. Семантика и функции зооморфных образов камчатских сказок и легенд.....	53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	57
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	59

ВВЕДЕНИЕ

Камчатка – регион с сохранившимися в памяти народа многими явлениями традиционной культуры. Но сейчас, к сожалению, есть реальная угроза исчезновения большего количества из того, что делает культуру Камчатки самобытной и уникальной: уходят из жизни носители этой самой культуры, знатоки традиций. В традиционной культуре, как известно, закреплён опыт практической деятельности человеческого сообщества, который, в свою очередь, способствует урегулированию норм семейных, межплеменных и трудовых. Источником хранения традиционной народной культуры до сих пор являются сёла. Именно в них ещё сильна преемственность поколений, связь с исторической памятью и сохраняются уникальные жанры народного творчества. Поэтому представляется важным в настоящее время записать, сохранить и систематизировать фольклорные тексты, исполняемые носителями самобытной традиционной культуры Камчатского края, а также продолжить исследования специфики данной фольклорной традиции.

Сказки о животных относятся к самой древней разновидности сказочного фольклора. В настоящее время в мировом фольклоре насчитывается около 140 сюжетов животного эпоса, в русском фольклоре их количество составляет 119 [20]. Причем обращает на себя внимание факт оригинальности значительной части сказочных сюжетов, созданных в рамках различных этнических общностей, проживающих на территории России.

Разнообразие зооморфных персонажей в мировом фольклоре обусловлено спецификой древних тотемистических представлений различных этносов об устройстве мира, происхождении человека, природных

объектов местного ландшафта и т.д. В рамках различных этнических культур за зооморфными персонажами постепенно закреплялись те или иные ценностные характеристики, символические значения, что и обусловило их национальную специфику. В нашем исследовании мы рассмотрим в историко–типологическом аспекте образы животных в сказках и легендах народов, проживающих на территории Камчатского края. В центре нашего внимания будут вопросы типологического соотношения зооморфных персонажей локальных и региональных этнических фольклорных традиций Камчатки, выявление как культурно значимых различий, так и общности, обусловленной многовековым межкультурным взаимодействием народов Камчатского края.

Камчатка – полуостров на Дальнем Востоке России (а точнее в Северо–восточной части Евразии на территории России), который омывается с запада Охотским морем, а с востока – Беринговым морем и Тихим океаном. Этот край богат не только уникальными природными ландшафтами, но и оригинальными фольклорными сюжетами коренных народов Камчатского края [50]. На полуострове проживают такие народы, как камчадалы, алеуты, эвены, коряки и чукчи. Все эти этносы, бесспорно, внесли вклад и обогатили камчатский фольклор своими традициями и особенностями культуры, причем, традиции разных народов оказали очевидное влияние друг на друга. Данное взаимовлияние касается в том числе основных зооморфных персонажей, их образов и символики в легендах и сказках Камчатского края.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью как общих специфических черт зооморфных персонажей камчатского фольклора как целостного регионального феномена, так и специфических черт образов животных, присутствующих в конкретных жанрах, в частности, в сказках о животных и легендах. Кроме того, недостаточно изучены в настоящее время специфические черты камчатского

зооморфного фонда на фоне мирового фольклорного наследия, что также подтверждает актуальность проблематики нашего исследования.

Научная новизна данной работы обусловлена отсутствием исследований типологической близости зооморфных персонажей сказочного фольклора и легенд коренных народов Камчатского края.

Объектом нашего исследования являются легенды и сказки о животных народов Камчатского края.

Предмет исследования – образы животных, их семантика и функции в рассматриваемых фольклорных текстах.

Материалом исследования послужили сказочные тексты и тексты легенд, собранные и литературно обработанные писателями Камчатки, а также устное народное творчество коренного населения полуострова.

Целью данной работы является выявление и описание семантики и функций зооморфных образов в сказках и легендах Камчатского края, а также выявление типологической близости зооморфных образов в двух рассматриваемых фольклорных жанрах.

Для достижения поставленной нами цели необходимым является решение следующих **задач**:

- рассмотреть образ как эстетическую категорию и описать специфику образа в текстах фольклора как вида словесного искусства;
- исследовать семантику и функции зооморфных персонажей в сказках о животных и легендах Камчатского края;
- выявить общность в изображении зооморфных персонажей в жанрах сказки о животных и легенды Камчатского региона.

Методологическая основа исследования представляет собой сравнительно–типологический, семиотический и историко–культурный принципы и методы литературоведения. **Методологической** и

теоретической базой послужили работы А.Н. Веселовского, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, С.Ю. Неклюдова, А.Л. Топоркова Ю.Е.Березкина, посвященные общим теоретическим вопросам фольклористики, в том числе проблематике, связанной с образной системой, семантикой и функциями фольклорных персонажей, а также исследования В.В. Напольских, Ю.Е. Березкина, А.В. Юдина и других авторов, посвященные непосредственно зооморфным персонажам мирового фольклора.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении особенностей семантики и функционирования зооморфных образов камчатского животного эпоса.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов работы на практических занятиях, посвященных вопросам системы персонажей животного эпоса различных локальных фольклорных традиций. Материалы данной работы могут быть применены для дальнейшего исследования фольклора и культуры коренных народов Камчатки

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав и заключения, списка использованных источников в количестве 60.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ ЖИВОТНОГО ЭПОСА

1.1. Генезис сказок о животных и их место в системе животного эпоса

1.1.1. Предпосылки формирования животного эпоса

Одной из первых проблем, поставленных исследователями сказочного фольклора в н. XIX в., была проблема условий и предпосылок возникновения животного эпоса. Уже в сочинениях Я. Гримма можно обнаружить первые попытки объяснить наделение животных человеческими характерами и речью как проекцию на окружающий мир психологического опыта раннего человечества. В отечественной науке одним из первых данным вопросом занимались А.А. Котляревский, А.Н. Афанасьев, Д.К. Зеленин и другие ученые отечественной мифологической школы, переносившие просветительские идеи о наивном первобытном человечестве в область исследований происхождения животного эпоса.

Так, например, А.А. Котляревский утверждал, что сказка о животных могла возникнуть только в среде людей, не обремененных охотничьей и земледельческой деятельностью, следовательно, это была среда пастухов, созерцавших природу и наделявших ее антропоморфными чертами. Во конце XIX– первой половине XX вв. в английской антропологической школе (Дж.Фрезер и др.) формируется понятие тотемизма как стадии развития первобытного человечества, сформировавшего комплекс представлений о животном–первопредке и сложные схемы ритуалов, связанных с культом животных. Сформировались в рамках исследований тотемизма и новые теории происхождения искусства, в частности, популярная в зарубежной и советской фольклористике т.д. «охотничья теория» происхождения первобытного искусства, которая выстраивалась на основе изучения пещерной живописи верхнего палеолита, а также мезолитической эпохи.

Вместе с тем, многократно отмечалось, что в наскальных рисунках палеолита изображалась не охота, а зоо–антропоморфные персонажи, изображения же самой охоты появились намного позже, только в мезолитическую эпоху. В рамках тотемистических теорий зарождение первобытного искусства большинством исследователей моделировалось и развитие животного эпоса. Так, в частности, в контексте концепции первобытного синкретизма А.Н. Веселовского, первые формы повествования о деяниях животных–тотемов зарождались внутри ритуального действия, «магически–производственного обряда», сопровождаясь пением, пляской, пантомимой и пр.[10].

Мифологические сказания о животных–покровителях было частью этих обрядов. При этом большинство исследователей, вслед за Д.К. Зелениным, возводят сказания о животных к пантомиме как элементу охотничьего обряда, с помощью которого приманивались дикие животные.[19, с. 216]. В результате большинство исследователей первой половины XX в. приходит к выводу, что формирование сюжетного репертуара животного эпоса начинается в эпоху верхнего палеолита и связано с изображением приемов, охотничьих «хитростей», например, заманиванием зверя в опасные места, подкарауливанием и т.д. [27, с. 196]. При этом Е.П. Лебедева обращает внимание на различия между словесностью и другими формами первобытного искусства, которые заключаются в первую очередь в способах существования в культуре: так, если наскальная живопись сохраняется практически неизменной на протяжении длительного времени, то словесное искусство претерпевает непрерывную трансформацию, в результате чего архаическая поэтика жанров животного эпоса не всегда опознается современным читателем[27, с. 201–202].

Благодаря работам Е.П. Лебедевой и ряда других исследователей становится очевидной невозможности непосредственного возведения сюжетов сказок о животных к первобытным охотничьим практикам и необходимость учитывать механизмы преобразования повседневного опыта,

в том числе трудового, в сюжетах и образах устной словесности. В дальнейшем – усилиями специалистов в области других видов искусств – было показано, что все первобытное искусство, как и последующие типы художественного творчества, не является непосредственным отражением внешней «среды», а отображают в первую очередь тип сознания, характерный для эпохи, в связи с чем объяснение образов и сюжетов на основе знаний повседневных практик оказывается невозможным [38]. Так, например, многие персонажи первобытного искусства имеют как антропоморфные, так и зооморфные черты, это часто животные, которые не являлись объектом охоты, например, различные пресмыкающиеся, изображаемые сюжеты часто не имеют отношения к охотничьей деятельности.

Таким образом, приступая к анализу сказок о животных необходимо учитывать несводимость первобытного искусства к непосредственному отображению действительности, а его функции – к магическим охотничьим практикам, оно предстает первой формой эстетического преобразования реальности, а также многофункциональным, сложно организованным, отображающим в первую очередь важнейшие процессы, происходившие в сознании первобытного человека. В связи с этим как буквальное, так и «непосредственно мифологическое» понимание сказочных сюжетов является методологически неверным. Духовное освоение мира, осуществляемой искусством на всех этапах его существования, подразумевает отображение «артефактов сознания» человека, преломленных сквозь призму образного мышления. Тотемизм как идеологическая система определяет деятельность сознания первобытного человека и отображение результатов этой деятельности в художественных образах. Работа Е. В. Намычкиной на тему сказки как литературного жанра [32] также представляет интересный взгляд на изучение данного вопроса, но просмотрена лишь обзорно, для ознакомления.

1.1.2. Тотемизм как мировоззренческая основа животного эпоса.

Как уже отмечалось, обращение к тотемизму как стадиально сформировавшемуся представлении о мире коллектива позволяет объяснить семантику и функции образов, происхождение мотивов и сюжетных ситуаций не только раннего словесного искусства, но и всех форм творческой деятельности человека рассматриваемого этапа. Тотемизм формируется в эпоху родовых отношений и, как отмечает А.М.Золотарев, становится идеологическим отображением ранней родовой структуры в форме идеальных представлений. Как отмечают многие исследователи, тотемизм охватывает все системы представлений человека о мире, пронизывает его мышление и поведение, определяет специфику его художественного сознания.

Рассматривая взаимосвязи животного эпоса и тотемизма, следует соотнести понятия тотемизм и миф, поскольку в работах различных исследованиях они не всегда достаточно отчетливо сопоставлены. Опираясь на работы А.Ф. Лосева, мы рассматриваем миф в нашей работе как способ мышления, картину мира, определяющую духовное и физическое существование человека первобытной эпохи. Вместе с тем, мифологическое мировосприятие, имея определенные константные характеристики, претерпевало длительную эволюцию, по отношению к которой тотемизм является одним из наиболее значимых этапов. Так, если на ранних этапах становления мифологического сознания, в эпоху первобытного синкретизма, в непосредственном опыте человек и зверь воспринимались как нерасчлененное единство [56], то в эпоху тотемизма можно говорить об осмысленном дистанцировании человека и зверя; последний наделяется признаками мироустроителя, подателя различных благ, духом–покровителем и т.д. Так рождается тотемизм, как стадиальный этап истории мифологического сознания. Мифология же в целом остается целостной и универсальной идеологической системой древнего человеческого общества,

определяющей константы мировосприятия на протяжении длительного периода времени.

Между тем, как отмечают многие исследователи, в частности, Е.М.Мелетинский, Е.А. Костюхин и др., в сказках о животных мы встречаем персонажей–животных, образы которых не столько соответствуют тотемистическим представлениям, сколько целому ряду иных, часто более древних, элементов мифологического мышления. В первую очередь, это образы героев–проказников в сюжетах об удовлетворении героями–животными своих потребностей с помощью хитрости и ловкости. В таких сюжетах очевидна связь с мифологическим образом трикстера, нежели с тотемистическими представлениями о животных –покровителях. В целом большинство исследователей отмечает сложность выявления эволюции животного эпоса в его взаимосвязях с мифологическими и тотемистическими представлениями.

Реконструируя эволюцию животного эпоса, исследователи, как правило, обращаются к фольклору современных народов, для которых характерны формы первобытной культуры, например, народов Австралии, Океании, Южной Америки и др. В процессе анализа фольклора данных народов обнаружилось большое разнообразие жанровых форм и сюжетов. Это связано с различиями исторического развития этих народов, многие из которых прошли определенный путь развития, а в дальнейшем по разным причинам пережили т.д. «возвратные движения» культуры, приведшие к возвращению к архаическим формам культуры и творчества. Именно у таких народов обнаруживаются наиболее архаические формы животного эпоса, на материале которых исследователи реконструируют эволюцию жанровых форм повествования о животных.

Так, например, такие народы, как бушмены или австралийцы, сохранили до наших дней тотемистические мифы о животных. Они представляют собой рассказы об основателях племени, которые сочетают в

себе зооморфные и антропоморфные черты. О.М. Фрейденберг еще в начале XX в. в своих трудах, посвященных взаимосвязям мифа и литературы древности, обращала внимание на синкретизм мироощущения древнего человека, в поле зрения которого еще не попадали различия между предметами и явлениями, что порождало «неразличимые тождества», в частности смешение антропоморфных и иных черт в едином мифологическом образе[56].

В тотемистическом мифе любое деяние тотемного персонажа приобретает глобальное, космическое измерение. Так, австралийский кенгуру, ночуя во время путешествия, создает озеро или речную долину, в которой впоследствии живут люди; известный персонаж палеоазиатской мифологии Ворон принимает как зооморфный, так и антропоморфный облик по собственному желанию, создает различные предметы внешнего мира. Большое количество т.д. этиологических мифов тотемистического периода становится объяснительной моделью, с помощью которой в поле зрения первобытного человека попадают элементы зооморфного мира. Во всех этих историях очевидно неразличение животного и человеческого, часто в подобных сказаниях невозможно определить, кем является герой в представлении рассказчика. В более поздних версиях тотемистических мифов встречается упоминание о том, что животные первоначально имели человеческий облик, а зооморфные черты приобрели позднее. Тем самым, можно выделить некое «первое поколение» существ, имевших первоначально антропоморфный облик, а затем приобретших звериный. Гораздо важнее оказывается подчеркнуть, что все объекты внешнего мира – результат деяний этих первосуществ. Время, когда совершались эти деяния, называемое исследователями «время сновидений», есть некое пра–время, внеисторическая реальность первотворения [30].

Несформированность операций различения, отобразившихся в тотемистических мифах, проявляется в бесконечных трансформациях

изображаемых персонажей, некоей аморфности их образов. Причем, оказываются возможны трансформации не только антропоморфных и зооморфных персонажей, но и превращения по линии «живое – неживое».

При этом перемещения персонажей, связанные с их демиургическим потенциалом, локализуются во вполне обозримых территориях, соответствующих реально освоенному племенем пространству.

Следующим этапом развития животного эпоса является циклизация мифологических историй, сопровождающаяся усилением демиургических функций персонажа, который по-прежнему сохраняет неопределенный зоо-антропоморфный облик. Демиургическое начало обнаруживается в функции миротворения, которое приобретает космический масштаб (творение Солнца, Луны, звезд, добывание огня, воды и т.д.). В этот же период формируются персонажи приобретают черты трикстера. Именно трикстерское начало, как отмечают Е.А. Мелетинский, Е.А. Костюхин и др., является соединяющим мостом между тотемистическим мифом и сказкой о животных, поскольку в основе сказки лежит трюк, неожиданная находчивость зооморфного персонажа, приводящая к сюжетной развязке [29].

1.2. Формирование сказки о животных в аспекте эволюции животного эпоса.

Рассмотренные предпосылки формирования сказки о животных показывают, что генетически данная разновидность сказок восходит к достаточно четко определенному кругу тотемистических мифов, непременно связанных с образом героя-трикстера. Хитрые поступки персонажа-трикстера в мифе становятся источником будущего репертуара сюжетов сказки о животных.

В работах В.В. Проппа, Е.А. Мелетинского и других фольклористов, подробно рассматривавших переходные жанровые формы, сохранявшие признаки как мифа, так и нового жанра сказки на материале африканского, палеоазиатского, сибирского фольклора, отмечается, что зарождение жанра

сказки о животных связан с новым этапом эволюции животного эпоса, отправной точкой которого явилось постепенная утрата идеологической значимости тотемистических представлений, приведшая к постепенной десакрализации мифов. Демиургическую функцию в мифе постепенно начинает выполнять антропоморфный герой, а зооморфные герои перемещаются в формирующуюся сказку о животных.

При этом ранняя, т.н. «архаическая» сказка о животных еще близка мифу, что проявляется, в следующих ее особенностях:

- тесная связь с ритуалом: архаические сказки рассказываются в определенные периоды календарного года, во время различных обрядов, например, погребения или инициации и т.д.;
- архаическая сказка еще ориентирована на достоверность, часто связана с этиологическим объяснением ландшафта и других аспектов действительности, однако объяснение происхождения каких-либо важных черт животных уже не является целью сказки, что свидетельствует о существенных трансформациях этиологического элемента архаической сказки.
- персонажи архаической сказки о животных еще сохраняют мифологический комплекс функций от демиургической до функции культурного героя;
- неотделимость архаической сказки от топонимических объектов, что свидетельствует о переходном характере этой разновидности сказки о животных, еще не приобретшей универсальный характер;
- появление первых моральных оценок персонажей;
- в архаической сказке еще не прослеживается размежевание на волшебную, бытовую и сказку о животных, например, в сюжете сказок о животных присутствует волшебство, трикстеры используют колдовство и магию;
- недостаточная «художественная обработанность» архаической сказки, что проявляется в избытке бытовых и др. деталей;

– недостаточная структурированность повествования, часто трудно выделить зачин и завершение сказки; подобно мифу, архаическая сказка вызывает ощущение фрагментарности.

Вместе с тем архаическая сказка уже утрачивает «космический» масштаб изображаемых событий, мифологическую всеохватность, при которой каждое деяние зооморфного персонажа имело решающее значение для жизни человеческого коллектива. Система персонажей в сказках о животных описана также в работе Ю. Ю. Маринчевой [28], но за основу в работе взята классификация В. В. Проппа.

Классическая сказка о животных складывается на следующих этапах эволюции человеческого сознания, все больше отделяющегося от мифологического мировосприятия в сторону все большего размежевания человека и природы. Как отмечает большинство исследователей, жанры животного эпоса развиваются во взаимодействии и классическая сказка о животных становится центром массива жанровых форм, взаимодействуя и оказывая влияние на них [24].

Формирование классической сказки о животных, по мнению большинства исследователей, сопровождалось следующими процессами:

- выдвижение на первый план дидактического начала, что проявляется в таких сюжетных ситуациях, как посрамление, осуждение персонажа и т.д.;
- появление у персонажей постоянных характеристик, часто отражающихся в их именах, что связано с активизацией дидактического начала;
- выдвижение на первый план развлекательной функции сказки;
- постепенное «снижение» образа тотемистического персонажа путем ограничения сферы его самореализации областью быта и удовлетворения естественных потребностей [30, с.91];
- ограничение комических ситуаций сферой плутовства и удовлетворения основных потребностей, преимущественно это изображение обжорства персонажа;

- постепенная циклизация сюжетов вокруг зооморфного персонажа–трикстера, в период утраты им функций демиурга и культурного героя;
- постепенное «опрошение» зооморфного персонажа, он становится слабым, противопоставленным более сильным, но глупым зооморфным персонажам, над которым герой одерживает победу благодаря хитрости, в связи с чем трикстерское начало главного героя выходит на первый план;
- утрата этиологического компонента, либо он формализуется и выполняет в финале сказки орнаментальную функцию [30];
- появление юмора и иронии как важных составляющих сказочного повествования;
- нерасчлененность человеческого и зооморфного мира становится условным приемом, средством создания комического эффекта, а не следствием первобытного синкретизма мировосприятия;
- мир животных является отображением человеческих социальных норм, например, ранних форм государственности (в сказках, где отношения между животными определяются социальной иерархией);
- полное разрушение мифологической семантики зооморфных персонажей, которые утрачивают все тотемистические функции;

Таким образом, можно сделать вывод, что целый ряд примет мифологической и архаической сказочной семантики классическая сказка о животных утрачивает. От мифа и ранней, неотчлененной от него сказки сохраняется изображение единого мира людей и животных, с общими социальными нормами, хозяйствованием и т.д., причем это неразличение двух миров приобретает характер художественного приема.

Именно поэтому в классической сказке о животных не развивается точность изображения зверей, их повадок, по сравнению с мифами и архаическими сказками. На смену религиозно–магической функции в классической сказке приходит художественно–эстетическая. В центре внимания оказывается комизм ситуаций, где животные ведут себя по законам

человеческого общежития. Причем, чем больше наблюдается несоответствие поведения сказочных животных реальным повадкам зверей, тем комичнее атмосфера сказки, что и является целью ее рассказывания.

Таким образом, изучение поэтики сказочного фольклора, в частности системы образов, их семантики и функций, возможно при условии обращения к вопросу о генезисе фольклорных форм. Не случайно о необходимости рассматривать фольклорные жанры в исторической перспективе неоднократно заявляли как зарубежные, так и отечественные фольклористы, в частности, Е.М. Мелетинский, Е.А. Костюхин и др. При этом следует учитывать, что разновидности животного эпоса, рассмотренные нами выше в историческом аспекте, свидетельствуют не только о процесса становления устных форм словесности, но и о сосуществовании в культуре различных по времени возникновения его разновидностей, в частности, сказок, легенд и в более поздние эпохи – басен о животных.

Таким образом, описанная еще в н. XIX в. Я. Гриммом эволюция животного эпоса как путь от мифологических сказаний о тотемных животных к фольклорным жанрам животного эпоса и от них – к литературным жанрам, в частности, басне, до сих пор лежит в основе научных представлений о происхождении, последовательности этапов развития и одновременного сосуществования разных жанров животного эпоса. Как показывают исследования фольклористов, источником животного эпоса являются наиболее архаичные варианты мифа [24], в котором еще не сформировалось представление об антропоморфных богах и героях.

Далее развивался архаический фольклор и в его недрах – мифологическая сказка о животных. Позднее развивается уже классический фольклорный животный эпос, получивший более известное название сказки о животных. Влияние на формирование этой сказки оказали самые разные формы устной словесности, в т.ч. волшебная сказка, легенды, все, что можно отнести к фольклорному животному эпосу. Исследователи архаического и

классического фольклора Е.М. Мелетинский, В.В. Пропп, Е.А. Костюхин и др. обращают внимание на внутренние соотношения в системе жанров животного эпоса, в связи с чем можно выделить доминирующую жанровую разновидность, восходящую к мифам о персонаже–трикстере, – архаическую сказку о проделках животного, целью которых как правило оказывается удовлетворение базовых потребностей, что достигается с помощью оригинальных выходов, создающих комизм ситуаций.

Исследователи русского фольклора, обращая внимание на культурные и психологические факторы актуальности животного эпоса, подчеркивали, что проделки животных–трикстеров на протяжении многих эпох существования сказок о животных сохраняют актуальность в связи с их карнавализационной функцией – временным «освобождением» человека в процессе слушания или чтения сказки от норм и правил, диктующих формы повседневного повествования, и погружением в архаический мир представлений, направленных на удовлетворение первичных потребностей в пище, отдыхе и пр. Именно в этой карнавализационной функции исследователи видят причины долговечности жанра сказки о проделках животных, возможности ее сосуществования с более поздними формами животного эпоса.

Помимо прочего, выделяя причины способности сказок о животных сосуществовать и доминировать среди других, в т.ч. более поздних жанров животного эпоса, Е.А. Костюхин называет одной из главных причин богатство и разнообразие сюжетного фонда архаического животного эпоса [24], разные фрагменты которого становились основой развития поздних литературных жанров, таких как басня, детская литературная сказка, сатирический роман и др. Причем питательной средой для развития новых жанров является не только сказка о животных, но и опосредованная ею илежущая в ее основе мифологическая архаика, с которой соприкасается слушатель и читатель благодаря системе опосредований. Именно поэтому

многие исследователи, такие как О.М. Фрейденберг, В.В. Пропп, О.Р. Николаев, Е.А. Костюхини др. настаивают на необходимости многоаспектного рассмотрения генезиса жанров животного эпоса, поскольку он связан не только с бытом и мироощущением конкретной исторической эпохи (тотемизм, охота и т.д.), но в первую очередь –спервичными формами человеческого мироощущения, рождавшимися на заре человеческого культуры [9]. С этим связана несводимость сюжетного фонда сказок о животных и других жанров к представлениям и бытовым ситуациям эпохи тотемизма, в связи с чем можно говорить о тотемистической охотничьей культуре как временном и культурном срезе, отразившимся, «осевшем» на сюжетной структуре сказок о животных, но не определившем ее содержание. С этим связана часто совершавшаяся ошибка интерпретаторов сказок о животных– попытка буквального понимания изображенных в них сюжетных ситуаций и их типологизация в соответствии с традиционными формами охотничьей тотемистической культуры.

Однако лежащая в основе сказок о животных архаическая мифология не позволяет конкретизировать в достаточной степени фольклорные сюжеты и возводить их к конкретным культурно–историческим эпохам. Исследователи животного эпоса подчеркивают, что фольклор как форма словесного творчества реализует свойственные любому искусству принципы моделирования действительности, преобразуя ее в соответствии с особенностями мироощущения и ценностными установками коллективного сознания [24]. При этом, как отмечают исследователи, центральным жанром животного эпоса становится сказка, поскольку именно с помощью этого жанра оказывается возможной трансляция универсальных человеческих установок, в частности, торжества человеческого духа над природой [24]. Сюжетные схемы, мотивы и образы сказки о животных, восходящие к мифологическим, но осознанные как выражение ценностных ориентиров

коллектива, в дальнейшем активно влияют на развитие новых жанровых форм животного эпоса.

Весьма значима и универсальность жанровой структуры и сюжетных типов сказок о животных, что также объясняется единством базовых структур мифологического мышления, определивших формальные и содержательные особенности животного эпоса, что позволяет говорить о едином мировом фольклоре и его национальных разновидностях. В связи с этим сказки о животных, как и другие жанры животного эпоса, могут быть поняты только при условии рассмотрения в системе мирового фольклора, что позволит выявить соотношение «своего» и «универсального», осуществить сопоставительные исследования репертуаров сказочных сюжетов, специфических особенностей персонажей таким образом, чтобы остались очевидными фундаментальные общие характеристики национальных вариантов единого фольклорного инварианта. Разумеется, инвариант того или иного жанра является абстракцией, которая существует в разнообразии национальных воплощений, причем, основные элементы идеальной универсальной модели представлены в национальных традициях в разной мере, с разной полнотой.

У разных народов эволюция животного эпоса осуществляется в своем уникальном темпе, большое влияние на жанровое своеобразие, специфику сюжетного репертуара, образную систему оказывает среда обитания, характер взаимодействия с соседними народами, взаимодействие со стадиями более поздними формами словесного искусства и т.д. Все это необходимо учитывать при анализе образа, мотива, сюжета, жанрового своеобразия фольклорных произведений того или иного народа. Таким образом, рассматривая фольклорные произведения различных народов, необходимо выявление не только национально-специфических черт, но и выявление общих закономерностей развития устного словесного творчества и их отражения в изучаемых произведениях. Анализ самых экзотических, с

точки зрения современного читателя, сказок о животных разных народов непременно должен учитывать генезис фольклорных форм, благодаря чему становится очевидным неизбежное повторения в национальных вариантах исходных «простых форм» [24], обрастающих в местных вариантах множеством специфических черт в результате уникальности социально–исторического и культурного развития различных народов. При этом исследователю сказок о животных следует учитывать, что животный эпос крайне неоднороден: в его составе оказываются разностадиальные явления, каждое из которых обладает своей художественной системой.

Однако сформировавшиеся на разных этапах эволюции словесности жанры животного эпоса сосуществуют и взаимодействуют между собой, выполняют различные, часто совпадающие функции в культуре своего времени, отображая единый идейно–тематический комплекс[24]. Именно близость тематики и системы представлений, закреплённой за образами и сюжетами, обуславливает активное взаимодействие сказок о животных и других фольклорных и литературных жанров. По существу, различные фольклорные и литературные жанры обладают множеством линий преемственности, формирующих идейно–тематическое родство, общность мотивов и образов, что связывают с понятием «память жанра», актуализирующая генетические связи между разностадиальными явлениями фольклора и литературы.

Таким образом, сопоставляя различные жанры животного эпоса между собой, исследователю необходимо учитывать, с одной стороны, генетические взаимосвязи между ними, а с другой – различия художественных систем разных жанров, обусловленные эволюцией художественного сознания. В связи с рассмотренной проблематикой генезиса и взаимосвязи различных жанров животного эпоса мы будем рассматривать в нашей работе сказки о животных и легенды, включающие зооморфные персонажи, как самостоятельные жанровые образования со своими специфическими

принципами моделирования действительности, обуславливающими, в свою очередь, семантику и функции представленных в них зооморфных персонажей. Таким образом, анализируя зооморфные образы в сказка о животных, мы будем исходить в нашей работе из следующих положений:

– сказки о животных являются результатом длительной эволюции мифологического сознания и отображающих его форм словесного творчества и возникают на этапе десакрализации мифа;

– выделяются несколько этапов формирования сказки о животных: архаическая сказка, сохраняющая связи с мифом, и классическая сказка о животных; также выделяются «побочные линии» развития зооморфного фольклора, такие как мифы–былички, новеллистические сказки о животных и т.д.;

– сказки о животных генетически связаны с тотемистическими мифами, рассказывающими о деяниях зооморфного персонажа–мироустроителя в эпоху пра–времени; – нераздельность человеческого и звериного существования–хозяйствования, характерного для сказки о животных, восходит к синкретическому мышлению первобытного человека в период создания тотемистических мифов;

– комические ситуации в сказках о животных восходят к образу трикстера, сложившемуся на определенной стадии эволюции мифологического мышления и оформившегося в тотемистических мифах о проделках зооморфного героя, однако в сказках сфера деятельности персонажа ограничена бытовой;

– постепенное «снижение» зооморфного персонажа в процессе эволюции тотемистического мифа приводит к характерной для поэтики сказки о животных установки на «обыкновенного», «простого» героя, его максимального приближения в своих запросах и интересах к адресату фольклорного текста, т.е. к его демократизации;

– эволюция сказочного фольклора определяет формирование репертуара сюжетов, который становится все более разнообразным и подчиняющимся таким целям сказочного повествования, как развлекательная, эстетическая и дидактическая.

1.3. Формирование жанра легенды в аспекте эволюции животного эпоса.

Исследователи животного эпоса отмечают подвижность границ между различными жанровыми разновидностями. Так, например, Е. А. Костюхин отмечает, что благодаря разомкнутости жанровых границ животного эпоса сказки о животных могут сближаться с волшебной, с анекдотической, а также с жанром легенды [24]. В результате разные жанры животного эпоса могут иметь пересечения в репертуаре сказочных сюжетов. Именно поэтому большинство исследователей использует понятие животный эпос, понимая под ним комплекс историй различной по жанровой специфике и подчеркивая нечеткость границ сказки о животных. При этом Е. А. Костюхин подчеркивает, что архаическая сказка о животных была более цельной и определенной в жанровом отношении, в дальнейшем же развитый эпос разных народов стремится к взаимопроникновению жанров.

В целом жанровое своеобразие животного эпоса определяется установкой рассказчика. Например, если в центре внимания рассказчика будет хитрость, изворотливость героя, повествование будет характерно для сказки о животных. Если акцент сместится в план моральной оценки, тот же самый сюжет начнет структурироваться в жанре легенды. Функциональная установка, таким образом, структурирует общесказочный материал в рамках того или иного жанра. Рассматривая легенду как разновидность животного эпоса, следует выделить ее характерные черты.

Во-первых, это установка на моральную оценку описанных событий. Во-вторых, легенда сохраняет некоторые компоненты художественного мира архаической сказки, которые утратила классическая сказка о животных, в частности, мифическое время, отголоски которого характерны для легенды,

связывающей настоящее и пра-время. В-третьих, это установка на достоверность, которую утрачивает классическая сказка о животных. В легенде, как и в предании, рассказывается о случаях, которые, с народной точки зрения, являются достоверными. В связи с этим эстетическая функция оказывается потеснена информативной и дидактической. Сохраняет легенда и этиологизм, поскольку упоминаемые свойства животных объясняются деяниями высших существ – богов, духов и т.д.

Многие «животные легенды» сохранились в античной литературе. Как правило, сюжет античных животных легенд строился вокруг нарушения норм почитания животными богов, из-за чего они получали от богов какие-то постоянные свойства, особенности. Например, черепаха не явилась на пир к Зевсу, предпочтя свой дом, за что Зевс обрек ее носить свой дом всегда с собой и т.д. Таким образом, в животной легенде характерные особенности животных объясняются историей их отношений с богами, иногда животным становится человек, наказанный за проступок. В связи с этим, происхождение легенды относят к эпохи синкретизма, не разделяющей мир человека и животных.

Сопоставляя легенду и сказку о животных, следует учитывать т.н. «возвратные движения» в фольклоре, когда классическая легенда может архаизироваться, сблизиться с мифом, утратить морализаторскую составляющую. Особенно часто подобное происходит при заимствовании фольклорных сюжетов соседними народами. Так, христианская легенда о животном, попав в инокультурную среду, может срастаться с мифом, приобретать архаические черты, новых персонажей и т.д. Анализируя животный эпос определенных народов, необходимо учитывать рассмотренные особенности жанров животного эпоса, разграничивая, в частности, сказку о животных и животную легенду, но в то же время учитывать формы их взаимопроникновения, возвратные тенденции, связи с архаическим фольклором и мифом.

1.4. Проблема генезиса зооморфных образов в животном эпосе.

1.4.1. Ранние стадии эволюции образа. Образ в эпоху синкретизма.

Эволюция образного мышления и ее отображение в ранних формах словесного творчества рассматривалась в работах многих исследователей [51].

Обращаясь к понятию «образ», следует учитывать, что оно используется в обширном количестве наук и дисциплин: философии, психологии, когнитологии, лингвистике, семиотике, литературоведении, эстетике и др. Нас будет интересовать определение образа в филологических исследованиях. Так, например, в Словаре литературоведческих терминов Л. И. Тимофеева и С. В. Тураева образ определяется как «форма отражения действительности искусством, конкретная и вместе с тем обобщенная картина человеческой жизни, преображаемой в свете эстетического идеала художника, созданная при помощи творческой фантазии»[53], причем художественный образ– «одно из средств познания и изменения мира, синтетическая форма отражения и выражение чувств, мыслей, стремлений, эстетических эмоций художника; его основные функции: познавательная, коммуникативная, эстетическая, воспитательная» [53]. Также в словаре Л. И. Тимофеева и С. В. Тураева образ художественный характеризуется как конструкт, отображающий духовную деятельность человека, в котором диалектически сопряжены общее, универсальное и индивидуальное [53]. Помимо вышеупомянутого словаря просмотрены были: Толковый словарь Ушакова Д. Н. [55], Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [33], а также Толковый словарь В. И. Даля [18].

Также следует упомянуть определения в учебных пособиях Л. В. Чернец, В. Е. Хализева[59], где образ понимается как отображение в сознании автора внешнего мира, который пропущен сквозь призму личностного мировидения. Став частью внутреннего мира автора, образ тем

самым становится идеальной формой, отображающей реалии внешнего мира. Вне образа, следовательно, оказывается невозможным воображение, творчество и познание как таковое. Помимо вышепредставленных лингвистов и исследователей, на тему зооморфности образа проводила работу и А. Р. Хайрулина[58].

При этом авторами отмечается, что образ принимает формы как рациональные, так и чувственно воспринимаемые. На основании приведенных рассуждений авторы приходят к выводу, что образ – категория сознания, наиболее ранняя форма отображения действительности. В дальнейшем образ подвергается рефлексии и становится категорией эстетики.

Обобщая приведенные определения и характеристики образа, следует отметить, что для нашего исследования особенно значимо, что образ – это стадияльно первая форма отображения (реконструкции) объекта в сознании человека, сохраняющая свои сущностные признаки синкретического мышления на протяжении всех эпох существования образного мышления и творчества. Вопрос о сущности и возникновении образа обсуждался в разных науках долгое время и дискуссии вокруг данного понятия продолжаются до сих пор, что в очередной раз доказывает актуальность изучения образа, его характеристик в настоящее время.

Исследователи достаточно давно стремились разработать историческую типологию художественного образа. Рассматривая эволюцию образа в словесном искусстве в аспекте проблематики животного эпоса, следует учитывать специфику породившей его эпохи синкретизма, границы которой очерчиваются ранним палеолитом и VI в. до н.э. средиземноморского региона, т.е. периодом расцвета античной культуры. Это период первобытного синкретизма, когда только формировался художественный язык словесного творчества, отсутствовала категория

авторства, индивидуального творчества [2]. Впервые дал название «синкретизм» и детально описал этот период А.Н. Веселовский в своей работе «Историческая поэтика». Под синкретизмом он понимал характерное для эпохи древности целостное мировосприятие, в котором еще не сформировалось отвлеченное мышление, способное дифференцировать явления действительности, сопоставлять и противопоставлять их между собой. Окружающий мир еще не воспринимался в категориях тождества и различия.

В эпоху первобытного синкретизма, описанную А.Н. Веселовским и в дальнейшем исследованную в различных аспектах в трудах А.А. Потебни, Н.П. Гринцера и др., позволило приблизиться к пониманию «генетического кода» художественного образа, сформировавшегося в эту эпоху и сохраняющего свое влияние на образное мышление на протяжении всех эпох его существования [51]. Так, в частности, «не расчленяющая понятийная структура» образа, внутренняя целостность, исключая всякое противоположение, является сущностной конститутивной характеристикой образа, независимо, идет ли речь о ранне – мифологической образности или о поздней, «льной», «условно–тропеической»[51].

Рассматривая генезис художественного образа, исследователи стремились взойти к исходному этапу зарождения образного мышления. Первоначально самым архаичным типом образа, на основании исследований А.Н. Веселовского, считался двучленный параллелизм. Затем, усилиями А.А. Потебни, удалось выявить вторичность данного типа образа и реконструировать образ типологически более ранний, которому присуще не различение человеческого и природного мира, а их семантическое тождество. Наиболее детально этот архаичный тип образа описала О.М. Фрейденберг в работе «Поэтика сюжета и жанра» как «семантическое тождество при различении форм» [56].

Исследования О.М. Фрейденберг были продолжены на материале палеолитического искусства, в частности, В.Н. Топоровым, отмечавшим соположение фигур в наскальных изображениях, представляющих собой присоединение изображений, семантически тождественных [54]. Для этой наиболее ранней стадии формирования образа характерна анарративность, соположение семантически тождественных фигур вне пространственно–временных координат, отсутствие движения[51].

С этим наиболее древним типом образа В.Н. Топоров, В.Я. Пропп и другие исследователи связывают истоки кумулятивных сказок («Теремок» и др.). Этот тип сказок считается самым древним, где вместо развития действия предстает присоединение семантически тождественных персонажей как «принцип нанизывания», являвшийся отображением первых мыслительных операций, освоенных человеком. В дальнейшем развитие кумулятивных сказок будет формироваться в результате преобразования сочинительного рядоположения в увеличительный или уменьшительный ряд. При этом отдельные слова–образы в древних текстах являются частями, тождественными целому, в каждом из них предстает называемый герой, а не его атрибут. Между этими словами –образами начинают зарождаться смысловые связи (например, волосы–трава, глаза – вода как человеческое и природное), на основе которых в дальнейшем сформируется параллелизм. Исследование Сериковой Т. Ю., рассматривает историю формирования понятия «образ» именно в рамках гуманитарного знания [47].

Таким образом, можно говорить о возникновении первых зооморфных образов в период, когда формировался стадильно наиболее ранний тип образа –кумуляция. С этим этапом связан и наиболее архаичный тип сказочных сюжетов – кумулятивная сказка о животных.

1.4.2. Эволюция зооморфных образов в животном эпосе.

Выше отмечалось, что зрелый животный эпос формируется в период государственного строя и характеризуется в первую очередь отрывом от мифологических представлений предшествующих эпох. Не случайно в зрелом животном эпосе конститутивной особенностью сказки о животных становится вымысел, который опознается как рассказчиком, так и слушателем сказки.

Важным жанрообразующим элементом сказки о животных является образ центрального персонажа – животного, часто создающийся в системных связях с образом человек, который либо образует образную пару равноценных героев, либо является второстепенным, но значимым компонентом сказки.

При этом в зрелом животном эпосе, где уже сформировалась условность сказки и установка на вымысел, типичными становится иносказание, когда под животными подразумеваются люди, человеческие отношения, что становится источником комического в этом типе сказок. Наличие образов людей на фоне центральных образов животных, отсылающих к миру человеческих отношений, еще более усиливает комизм изображаемого.

Следует учитывать, что эволюция образов животных в классической животной сказке коррелирует с общей эволюцией культуры и осмыслением животного мира, начавшемся в эпоху античности. Так, начиная с Античности формируется интерес к исследованию животного мира, его соотношения с миром человеческим. В истории философского знания наблюдаются две магистральные линии изучения соотношения человеческого и животного мира. С одной стороны, человек рассматривается как нечто самодостаточное, отделенное от остального мира природы (например, такой позиции придерживались Платон, Аристотель, мыслители средневековья), с другой — человек – часть космоса, органично встроенный в его структуры (данная

позиция формируется в трудах философов 19- 20 в., например, Ницше, Фрейда и др.

Так, например, в своем сочинении под названием «История животных» Аристотель утверждает, что человек противопоставлен всем живым существам как наиболее сложный организм, наделенный разумом. Такое понимание человека сохранялось на протяжении тысячелетий. В связи с этим представлением Аристотель выделял три типа души, т.е. живых организмов: растительную душу, животную и принадлежащую только человеку разумную душу. Последнее положение объясняет иерархическое положение человека по отношению ко всему остальному миру, а также обеспечивает бессмертие человеческой души.

На протяжении тысячелетий ученые вели споры о природе человека, и наличие животного мира являлось тем отражением, по отношению к которому человечество определяло свою сущность и одновременно стремилось познать специфику животного мира.

Так, в частности, по мнению И. Канта, различия между человеческим и животным миром следует искать на основе следующих параметров: состав инстинктов (у человека их намного меньше, чем у животных), наличие «орудий защиты и пропитания» (острых клыков, рогов и т.д.), скорость адаптации к новым условиям (у животных она намного выше).

Как известно, со второй половины 19 в. веках формируется новое, гуманистическое отношение человека к животному миру, и к н.ХХI в. формируются новые концепции соотношения микросистем, в которых человек не занимает более позиции хозяина мира, имеющего право на уничтожение и произвольное изменение природной среды.

Экологические катастрофы заставили современную философию пересмотреть проблематику взаимоотношений человека и животного мира, стимулировали поиск новых направлений в сохранении среды обитания,

были поставлены совершенно новые вопросы, например, о правовом статусе животных и т.д.[34, с. 54].

Не менее актуальным остается изучение образов животных в человеческом искусстве. На протяжении последних веков активно изучается отражение представлений человека о животном мире через зооморфные образы в литературе и искусстве. При этом в науке сложились представления о нескольких направлениях образного осмысления человеком животного мира: с одной стороны, это использование зооморфных образов как аллегорических, с другой – отмечается определенная самодостаточность данных образов, имеющих эстетическую функцию.

Каждое животное может иметь свои особенные характеристики, и связанные с ними истории часто несут в себе определённые уроки, моральные заключения или олицетворяют человеческие качества. Образы животных в фольклоре также используются для объяснения природных явлений, происхождения определенных черт и поведения животных, они служат для наглядного представления архетипических сюжетов о происхождении мира, о божествах, героях и древних временах. Данные образы способствуют формированию культурного и духовного наследия народа, его этоса и идентичности. То есть, такие образы несут в себе сакральный и обучающий характер в большей степени.

Так, в животном эпосе звери являются основными персонажами, между которыми развивается традиционный сказочный конфликт, определяющий основной репертуар сюжетов. При этом характерно, что главными героями сказок как правило выступают животные дикие, домашние же чаще всего вторичные персонажи. В сказочном животном эпосе каждый персонаж обладает не только своими уникальными характеристиками, но и наделен определенным уровнем обобщения, являя конкретные характеристики человеческой натуры и тем самым выполняя дидактическую функцию.

Зооморфные образы эмоционально окрашивают сказки, делают их интересными и запоминающимися, а также помогают передавать и усваивать уроки и ценности. Образы животных в сказках о животных являются мощным инструментом воспитания и образования, поскольку позволяют донести сложные идеи до детской аудитории в доступной и увлекательной форме.

Одним из ключевых аспектов исследования образа является его связь с человеческим восприятием и пониманием мира. Образы являются неотъемлемой частью нашей культуры и помогают нам воспринимать и анализировать окружающую действительность. Зооморфные образы, в свою очередь, играют важную роль в формировании нашего представления о животном мире и его связи с человеком. Исследование зооморфных образов позволяет нам лучше понять, как именно человечество воспринимает и интерпретирует сущность животных. Они являются символами и метафорами, которые помогают нам выразить определенные идеи и эмоции. Например, образы льва или орла могут ассоциироваться с силой и могуществом, в то время как образы змеи или паука могут вызывать чувство ужаса и опасности.

Исследование зооморфных образов также открывает перед нами возможность изучить исторические аспекты их использования в разных культурах. Мы можем проследить их развитие и изменение на протяжении времени и узнать, как они отражают социальные и культурные трансформации. Кроме того, изучение зооморфных образов позволяет нам лучше понять наше собственное место в мире и нашу связь с природой. Таким образом, исследование образов, особенно зооморфных, имеет огромное значение для нашего понимания культуры и человеческой психологии. Оно позволяет нам расширить наши границы восприятия и понимания мира и проложить путь к новым открытиям и исследованиям. Кроме того, данная тема остается актуальной и востребованной в научных

кругах, что свидетельствует о ее значимости и потенциале для будущих исследований.

Глава 2. Семантика и функции зооморфных образов в сказках и легендах камчатского края.

2.1. Культура и традиции коренных народов Камчатки как предпосылки формирования национального своеобразия универсальных сюжетов и образов сказки и легенды.

Прежде чем перейти непосредственно к выявлению и классификации образов животных в сказках и легендах Камчатки, стоит уделить особое

внимание культуре, традициям и обычаям коренных народов этого уникального полуострова. Отметим немаловажный факт, что открытие, а позже и исследование территории Камчатки является одной из ярчайших страниц отечественной и мировой науки. Научное изучение полуострова связано с деятельностью академических экспедиций, научных учреждений, обществ, историков, путешественников и краеведов, начиная с 30-х гг. XVII в. До середины 60-х годов XX века было принято считать, что заселение Камчатки началось сравнительно недавно. Однако в 1962 году, в долине реки Камчатки, на берегу Ушковского озера, была обнаружена стоянка человека, жившего в эпоху древнего каменного века, а это, в свою очередь, свидетельствует о том, что этот регион был заселён уже 15 тысяч лет назад. Найденные на Ушковской стоянке украшения в форме подвесок и бусин, а также наконечники стрел, изготовленные из натуральных материалов, отражают не только высокий уровень культуры первых жителей Камчатки, но и их глубокую связь с окружающей природой.

На территории Камчатского полуострова, в тесной взаимосвязи и подчинении природным законам сформировалось всего пять этнических групп, живших здесь до прихода первых отрядов русских казаков–землепроходцев в XVII веке. Назовём данные пять этносов:

1. Ительмены. Являются древнейшим из коренных малочисленных народов Камчатки. Самым ранним памятником их культуры более 5 тысяч лет. Традиционное мировоззрение ительменов связано с одушевлением окружающего мира. Вулканы считались жилищами мёртвых и злых духов гамулов. Основной персонаж ительменского фольклора –Кутх или Ворон, создатель Камчатки; он же является основным героем сказок. Главный праздник ительменов – осенний Алхалалалай–«Очиститель грехов».

2. Эвены. Эвены пришли на Камчатку в 19 в. и заняли большие безлюдные земли на западе и в центре Камчатки. Это кочевой народ, сохранивший уникальную промысловую форму хозяйствования, оленеводство,

рыболовство и другие занятия. С 18 в. культура эвенгов была обогащена христианской культурой, началось их сложное взаимодействие, поскольку шаманизм не был вытеснен в полной мере.

3. Алеуты. Это достаточно малочисленный народ, называющий себя – унаған. Основные занятия алеутов – это охота. Ловят нерпу, морских котиков, множество птиц, сохраняется собирательство.

4. Коряки. Это древний народ, сохраняющий уникальную культуру, традиции и промыслы, особенно редкие техники обработки металлов, камней, выделки шкур животных. Среди главных праздников следует выделить праздник Кита, день Первой рыбы, спуска байдары, также интересен праздник рогов, как и многих соседних народов, Праздник встречи солнца.

5. Чукчи. Длительное время этот народ воевал с коряками, затем Чукчи стали постепенно проникать на юг, вглубь коряжской территории. В качестве основных праздников камчатских чукчей следует выделить праздник рогов и осенний праздник убоя оленей. Суть праздников – единение с окружающей природой через образ оленя.

Таким образом, коренное население полуострова Камчатка обширно, представлено разнообразными этносами, и все они имеют свои особенности быта, а также особенности культуры, но, вместе с тем оказывают взаимное влияние друг на друга.

Исследователи культуры Камчатского края неоднократно обращали внимание на многообразие этнических групп, которые, несмотря на сложные условия обитания, сохраняют свою культуру, традиции и обряды. Их способность к выживанию и процветанию в условиях, где сталкиваются мороз и ветер, где земля кажется непригодной для обитания, поражает воображение и вдохновляет на изучение их образа жизни. Именно благодаря богатству своей культуры и традиций коренное население Камчатки обрело

особое мастерство в приспособлении к суровым условиям. Их жизненный опыт и мудрость передаются из поколения в поколение, обогащая нас знаниями о том, как сохранять связь с природой и как находить гармонию в самых непредсказуемых обстоятельствах.

Обобщая приведенные наблюдения, выделим основные черты коренных народов Камчатского края:

–сохранившиеся древние религиозные представления (анимизм, тотемизм), находящие отражение в быте, обрядах, народных ремеслах;

–гармоничные отношения с природой, проявляющиеся в бережном и в то же время эффективном природопользовании, транслируемом через культуру, традиции и обычаи;

– сохранение древних форм жизнеобеспечения: охоты, рыбалки и собирательства;

–сохранение экологического равновесия (баланса воспроизводства культуры и природы);

–сохранение традиционных моделей социального взаимодействия: отношений «человек–общество» по принципу альтруизма (каждый член человеческого общества живет ради всего общества, а общество ради каждого);

–своеобразие искусства: орнаментное шитье, традиционные танцы, эпос, театральные представления, неразрывно связанные с хозяйственной деятельностью и архаическим типом мышления.

. Для культуры народов Камчатки характерно, с одной стороны, разнообразие традиций, которые определяют нормы и правила повседневного поведения, нравственные установки, предписания и запреты. Эти традиции и обычаи являются своего рода кодом поведения, который помогает людям сохранить свою идентичность и уникальность.

Исследователи фольклора Камчатского края давно описали родство культур населявших его народов как причину родства соответствующих сюжетов, мотивов и образов фольклора. Кроме того, давно описано родство камчатского фольклора и фольклора близлежащих территорий, в частности Аляски и народов, проживающих вдоль берегов Северной Америки. Близость проживания, обеспечивавшего регулярное межкультурное взаимодействие, определило типологическую близость сюжетов и образов сказочного фольклора, легенд и других жанров.

Причем, тип культуры, соответствующий архаическим формам хозяйствования, обуславливал и архаический тип фольклора. Так, в фольклоре Камчатского края мы наблюдаем преобладание архаической сказки о животных, в которой между человеком и животным существуют дружественные связи. Сохранность архаического фольклора обеспечивает традиционность форм хозяйствования, когда животное является основным источником жизни человека и потому не может быть его противником. Поэтому в сказках и легендах звери обладают человеческими чертами, например, спорят и поддерживают дружбу, готовят еду, также охотятся и строят жилища и практически не отличаются от людей в бытовом поведении, не соперничают с человеком, не представляют для него опасности.

В древности у народов, населяющих Крайний Север России, таких как коряки, алюторцы, чукчи, ительмены и эвены, сложилась уникальная и многовековая система религиозных представлений, которая получила название анимизма – это термин, обозначающий веру в души и духов как в действующее начало предметов и явлений материального мира, включая человека. При этом понятие «душа» принято относить к людям (в том числе умершим – «души предков») и иногда к животным, а под понятием «духи» подразумеваются персонификации природных объектов (лес, море, горы) и явлений (гром, ветер), а также определённых состояний (духи болезней)[35]. Согласно анимистическим убеждениям, каждый объект, будь

то горная вершина, река или просто камень на дороге, обладал своей душой, которую необходимо уважать и миловать. Чтобы поддерживать гармонию и справедливость в мире, а также для получения благословения и защиты, представители этих народов практиковали подношения духам. Особенное внимание уделялось духам, которые были связаны с территорией, где проживали люди. Таким образом, при прохождении через определённые географические объекты, отличавшиеся своей необычностью, например, вулкан или место, где произошёл камнепад, или был снежный обвал, люди приносили в жертву оленей. Это действие символизировало просьбу к духам местности о прощении и защите от всех негативных сил, а также от болезней и других неприятностей, которые могли быть причинены как человеку, так и его оленьему стаду[32, с. 3].

Фольклор коренных народов изобилует легендами, сказками, былями о перевоплощениях человека в животного, и животного в человека. В цикле мифов о Вороне–творце– у корякского народа – главный герой Куйкыннюку выступает и в качестве человека, и в качестве Ворона.

Сказки и легенды Камчатки имеют уникальные особенности, которые отражают богатую культуру и историю коренных народов полуострова. Такие истории пронизаны глубокой связью с природой и часто основаны на вулканических ландшафтах, бурной морской стихии и животном мире этого уникального края. Выделим некоторые особенности сказок и легенд Камчатского полуострова:

1. Пейзаж Камчатки с его вулканами, реками, лесами и морским побережьем, часто выступает важным элементом в различных легендах, где природа играет значительную роль. Окружающая среда не просто декорация, а активный участник сюжета, взаимодействующий с героями. Например, легенды о великом Кутхе– создателе Земли. Сюжеты с участием данного героя показывают читателю прямую связь ворона с природой: Кутх создаёт ландшафт, озёра, горы и вулканы; он может властвовать на небе, суше и под

водой. Также Ворон–творец взаимодействует с ветром, солнцем, луной и другими.

2. Представления о живых существах и природе. Много рассказов отражают верования коренных народов в то, что животные, растения, небесные объекты и окружающая среда обладают собственной сущностью, разумом и могут взаимодействовать с человеком. Например, сюжеты сказок, в которых Ветер, Месяц, Звезды, Солнце способны контактировать с человеком и животным. Они обладают также силой и влияют на погоду и окружающую среду.

3. Эпические легенды и мифы о происхождении мира. Камчатские предания насыщены рассказами о благородных поступках, сражениях и приключениях героев, которые зачастую рассказывают о возникновении вселенной, первобытном человеке и становлении культурных обычаев. Самый главный и центральный герой таких легенд и мифов – ворон Кутх, который по верованиям является творцом всего мира. Это он пролетел над Землей и создал океаны, моря, горы, вулканы и т.д.

4. Люди и животные как персонажи. Сказки могут включать людей и животных, причем животные зачастую представлены как равноправные, а иногда и более мудрые, чем люди. Например, сюжеты, где зверь спасает человека из трудной ситуации, оберегает его и даёт мудрые советы. Сюжет, в котором медведь укрывает заблудшего человека в своей берлоге, позволяет переночевать и дождаться окончания холода, а также кормит.

5. Отображение в фольклоре тотемистических представлений. В легендах Животные выступают в Камчатском фольклоре как мифологические существа, или божества, оказывающие влияние на судьбы людей и саму природу. Например, такими персонажами являются олени, медведи, Кутх, рыба. Такие животные служат своеобразным тотемами, которым люди поклоняются и к которым обращаются за советом в трудные жизненные испытания.

6. Сказки о животных часто выполняли функции передачи традиционных знаний о способах хозяйствования: о традиционном образе жизни, охоте, рыболовстве и выживании в суровых климатических условиях Камчатки. Например, сюжеты рассказывают об охоте на оленей, рыболовстве и защиты от хищных зверей, что в совокупности является основными занятиями коренного населения Камчатки. Также некоторые тексты упоминают выделку шкур, собирание полезных ягод и трав для употребления в пищу, или же для проведения обряда. И обычно, взрослый персонаж объясняет все тонкости этих занятий своим детям или младшим по возрасту персонажам с целью передачи и сохранения традиций.

Особое место в Камчатском фольклоре занимает легенда.

Легенды часто связаны с реальными событиями или значимыми для коллектива людьми. Они объясняют происхождение каких-либо природных объектов, возникая как попытки объяснить историю мест, объектов или каких-либо значимых событий. В фольклористике давно отмечено главное отличие легенды от сказки, состоящее в том, что представители традиционной культуры воспринимают легенду как достоверную историю.

В нашей работе материалом исследования стали сказки и легенды Камчатского края, поскольку для этого региона характерно единство основных фольклорных зооморфных образов, часто проникающих сквозь жанровые границы, обрастающие устойчивыми сюжетными ситуациями, часто общими для сказки и легенды. Это связано во многом с архаичностью камчатского фольклора, в котором не всегда возможно прочертить строгие границы между разными жанрами.

2.2. Зооморфные образы сказок и легенд Камчатского края: общая характеристика и классификация.

Образы животных, характерные для сюжетов сказок и легенд коренных народов Камчатки, резко выделяются на фоне европейского

фольклора и фольклоров других регионов. Обусловлено такое явление отдалённостью полуострова от центральной части России, особенностями климата, а также уникальной культурой коренного населения Камчатского края. Полуостров с трёх сторон омывается двумя морями (Беринговым и Охотским), также Тихим океаном; по этой причине в литературе коренных народов Камчатки часто встречаются образы рыб, которые плавают в этих водах, и, конечно, морских животных. Но помимо отличий в сюжетах камчатских легенд и сказок, есть и сходные с традиционными сюжетами зооморфные образы: например, лиса, медведь, волк, ворона и другие.

Исследователями Камчатского и палеазиатского фольклора давно отмечено, что одним из самых уникальных образов народов этих регионов является ворон, имя которого, Кутх, является устойчивым мифонимом, широко распространённым в указанных регионах.

В камчатской мифологии и фольклоре, как и у многих соседних народов, он выступает в качестве ключевой фигуры творца мира (создателя Земли), также считается прародителем человечества и могущественным шаманом. К образу Кутха мы обратимся подробнее, так как он играет ключевую роль в фольклоре коренного населения Камчатки. Среди коренных народов Дальнего Востока, почитающих Кутха, можно выделить коряков и ительменов. Кутх (или Ку'тх) в культуре этих двух этносов известен как мифический дух–ворон, ключевой персонаж многих мифов и легенд. Этот персонаж также известен среди чукчей, где он имеет подобный образ и аналогичное культурное значение. Кутх часто изображается как творец, проказник и герой, меняющий облик, играющий важную роль в создании мира, в том числе в оформлении ландшафта, животного мира и даже человеческих обществ. В некоторых текстах Кутх связан с созданием географических особенностей Камчатского полуострова и других районов Дальнего Востока. С именем Кутха связаны различные культурные и

духовные практики, а его истории передаются из поколения в поколение в форме занимательных и поучительных легенд.

В мифологии Кутх часто предстает перед нами в нескольких ключевых образах:

1. Ворон-творец. Данный образ связан с сюжетами, в которых Ворон из подводного царства принес землю, а также помог сформировать мир, или же был непосредственно вовлечён в его создание.
2. Человек. В некоторых легендах Кутх принимает человеческий облик и взаимодействует с людьми, зачастую скрывая в своих поступках уроки и моральные ценности.
3. Трикстер. В других историях Кутх представлен как хитрый и устраивающий розыгрыши трикстер (мифологический плут, тип культурного героя; действует хитростью, часто с проявлением гипертрофированной похоти и обжорства, с нарушением моральных норм и религиозных табу, что может приводить к катастрофическим, но иногда также к благу для людей – в таком случае роль трикстера сближается с функцией демиурга), чьи шалости могут принести как беды, так и благословения. Он обычно вступает в различные интриги, которые приводят к неожиданным и иногда парадоксальным исходам.
4. Герой–прародитель. В некоторых культурах Кутх считается героем–прародителем, объясняющим происхождение племени и его обычаи.
5. Дух природы. В такой функции Кутх связывается с природой и стихиями, его действия зачастую связаны с изменением погоды, рельефом и другими природными процессами.

Данный образ встречается в книге–альбоме «Корякские и ительменские сказки» Смышляева А. А. [42] в сказках «Битва двух Кутхов» [42, с. 33], «Мечхч, медведь и Кутх» [42, с. 36], «Кутх, лиса и волк» [42, с. 43], «Как Кутх и Мити за орехами ходили» [42, с. 51], «Как Кутх лису напугал» [42, с. 75] и другие. В сказках и легендах коренных народов

Камчатки встречаются как привычные животные: лиса, мышь, волк, медведь, кукушка... Так и животные, традиционные для народов Севера, например, олень в сказке «Смелый олень Аканныкай» [37, с. 89] из книги «Сказки чукчей» Р. В. Рудина [37], лось и бык в сказке «Лось и бычок» [37, с.101], песец в «Куркыль и песцы» [37, с. 104], тюлень в сказке «Ворон и тюлень» [37, с. 109], рыба Чавыча в сказке «Чавыча и бычок» [36, с. 72] из книги Р. В. Рудина «Камчатские сказки» [36].

Помимо выше упомянутых книг «Корякские и ительменские сказки» Смышляева А. А. [42], «Камчатские сказки» Р. В. Рудина [36] и «Сказки чукчей» Р. В. Рудина [37] разнообразные, привычные и неожиданные зооморфные образы описаны в книгах Агафоновой А. «Сказочная Камчатка» [3], Воробьевой Н. А. «Сказки бабушки Тайя: сказки и предания береговых коряков в записях Поповой А. И.» [9], Беляевой М. Е., Гончаровой А. А. «Фольклор народов Камчатки: (из архива Поротова Г.)» [7], Менщикова Г. А. «Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки» [24], Санги В. М. «Легенды и мифы Севера» [38] и Чечулина Б. «Сказки родом из Анапки» [51]. В своих работах Голованева Т. А. «Сюжет корякской сказки о мышатах, подвешенных к дереву: генезис и этнографический контекст» [11] и Гончарова А. А. «Отражение культа медведя в обрядах и мифологической прозе народов Камчатки: сюжеты, мотивы, семантика» [12] уже упоминали образы животных в сказках коренных народов Камчатки и анализировали их, связывая с контекстом и фольклором, мифологией именно этого края.

Таким образом, можно отметить, что образ Кутха является, с одной стороны, инвариантным для зооморфного образа главного существа-прародителя человечества, творца мира или участника процесса творения.

Также следует подробно рассмотреть характерный для сказок и легенд Камчатского края образ медведя [12], так как его можно с уверенностью назвать одним из главных символов Камчатки. Исследователь камчатского

фольклора А. А. Гончарова выдвигает тезис о том, что главным персонажем животного эпоса народов Сибири, Камчатки, Северной Америки был медведь, поскольку на него охотились больше всего, а у народов, сформировавших родоплеменные отношения, складывался тотемический культ медведя, характерный для эвенков, эвенов, проживающих в разных регионах, в том числе и на Камчатке [12, с. 59]. «До настоящего времени в беседах с коренными жителями Камчатки можно услышать об особых связях человека и медведя. Неслучайно до наших дней дошли запреты на произнесение в лесу, тундре слова «медведь»: вместо него этого употребляют табуирующую лексику: так, например, медведя часто называют дедушка» [12, с. 59]. Также в своей работе Гончарова выдвигает тезис о том, что у камчадалов определённо имеется культ медведя, который проявляется в том, что человек и медведь уподобляются друг другу [12, с. 61]. Так, например, А.А. Гончарова рассматривает сюжет о неожиданной встрече медведя и человека. Чаще всего заблудившийся в лесу (тундре) охотник (иногда пастух) случайно попадает в берлогу к медведю, медведице или семье медведей. Варианты данных сюжетов указывают, что во всех случаях медведи спасают человека (охотника, пастуха), выступая в роли его охранителей. А иногда звери жертвуют собой. Так, в одном из вариантов медведь отрывает часть своего бедра, тем самым спасая человека от голодной смерти. После совместной спячки медведь всегда отправляет охотника домой: обладая тайным знанием, зверь точно знает, где живет этот человек, тогда как охотник все забывает. Финалы таких сказок часто заканчиваются эпизодом охоты: всегда убивает медведя тот самый охотник, который спал с ним в берлоге. Он узнает своего друга–медведя по «высохшему бедру» [12, с. 63–64]. А. А. Гончарова в своей работе упоминает и мотив оборотничества.

Рассматривая зооморфные образы фольклора, следует учитывать степень архаичности того или иного сюжета. Так, одним из наиболее древних является мифологический сюжет о Кутхе, обладающем непостижимыми

силами и мудростью, который, однажды, паря на высоте и глядя на безбрежные водные пространства, совершил неопишное деяние. Он обратился к своему сыну с величайшим приказом – стать основой, на которой будет создана земля. После этого, не теряя ни секунды, Кутх сам, облачившись в лыжи, начал своё путешествие по новой земле. С каждым шагом, который он делал, формировались различные ландшафты. Ущелья, впадины – это места, где когда-то побывал этот персонаж. В этом сюжете видны следы архаического мифа и возникшей на его основе легенды, объясняющей специфические черты рельефа Камчатского края.

Записи этого сюжета выявляют многослойность разновременных добавлений к исходному мифологическому сюжету. Так, далее в этом сюжете объясняется, что, поскольку Кутх обладал не только творческими способностями, но и заботой, он задумал о том, чтобы на его земле не было холода и мрака. В этом ему помог его внутренний огонь, который он вдохнул в самые высокие вершины гор. Этот горячий дух Кутха, проникший в каждый камень и каждую твёрдую породу, стал гарантом тепла и жизни для всего, что будет жить на земле, которую он так щедро даровал.

Мы видим, что достаточно абстрактные представления, такие как «внутренний огонь» явно анахронистичны по отношению к исходному мифологическому сюжету и являются результатом его бытования на протяжении разных эпох.

Также можно с очевидностью наблюдать амбивалентность образа Кутха в Камчатском фольклоре. Так, Ворон–творец в ряде сюжетов несёт как положительные, так и отрицательные качества, например, в одном из сюжетов он обращает человека в тюленя и заставляет выполнить определённый приказ, чтобы человек смог вернуть свой прежний облик. Здесь он выступает как негативный персонаж, имеющий такие качества как лживость, жадность, коварность и злобу. С другой стороны, есть сюжет, где

Кутх предстаёт традиционным создателем мира, всемогущим и отзывчивым, готовым помочь каждому нуждающемуся. И в этом тексте Кутх оказывает поддержку морским обитателям, а те, в свою очередь помогают ему в ответ. Также нам встретились сюжеты, где в схватке встречаются морской и речной Кутх; и здесь мы можем видеть образы упорных, волевых и могучих воронов, которые по итогу заключают союз между собой. Вообще мотив встречи, а также противоборства морского и речного нередки в сказочных и легендарных сюжетах.

Часто Кутх встречается в сюжетной взаимосвязи с другим зооморфным персонажем. Традиционной парой Ворону оказывается Лиса, что имеет также архаические корни и вписывается в универсальный сюжет о творце мира и триктере-вредителе. Так, у народов Севера часто встречается сюжет о Творце мира и вредителе, который похищает материальную основу мира (зерно, кусок почв и т.д.) и творит из нее мир. Есть и сюжет, где Кутх предстает в паре с Крабом: в этом сюжете Кутх предстаёт отрицательным героем, желающим использовать краба в своих целях, а второй, в свою очередь, хитростью и смекалкой наказывает вредного и злого ворона.

Также можно встретить такие пары, как Кутх и волк, собаки–рыбы (горбуши), медведь, песец, морж и другие. И так как Кутх– всемогущий сотворитель, способный обитать на небе, суше и в воде, следовательно, он может напрямую обращаться к самой природе, например, к небесному светилу – Солнцу, с которым в одном из художественных текстов он соревнуется за руку и сердце дочери самого Севера.

Разрабатывая классификацию зооморфных образов в камчатских сказках и легендах, следует выделить следующие типы, отмеченные В.Я. Проппом:

1. Звери-помощники. Подобных персонажей в камчатских сюжетах немало:

– в таком амплуа выступают, например заяц и горноста́й в одном из сюжетов, которые помогают оленю, а также помощниками выступают россомаха, бурый медведь, песец, мыши, чайки, лисицы и старый дикий олень, которые помогают волку; Помощником может выступать и отец–ворон, помогающий своему сыну Сохололылану добиться руки и сердца дочери Севера. Образ отца, конечно, имеет такие черты характера, как мудрость, доброта и находчивость;

–речные рыбы также выступили помощниками чавычи, которая хотела победить горделивого бычка, являвшегося лидером среди морских обитателей;

–нетипичным персонажем–помощником является медведь, оказывающий помощь человеку–пастуху. Он укрыл его в своей берлоге, позволил переждать суровую погоду, а также щедро накормил. Только из–за отзывчивости доброго героя–медведя пастух уцелел и смог вернуться к семье;

– кукушка в ряде сюжетов выступает компаньоном и помощницей для различных персонажей, например, в одном из текстов она помогает девочке–сироте избавиться от злых тёток и накормила её;

– в нескольких текстах встречается мотив бескрылого гуся или гусыни, помощниками которых выступили фольклорный персонаж Синаневт и уже привычный ворон. Они встретили главных героев в период их слабости и отчаяния, чтобы безвозмездно помочь, сшив им крылья;

2. Враги. Подобных персонажей–антагонистов достаточно много в сюжетах камчатских легенд и сказок:

–весьма часто таким персонажем выступает лиса в классическом представлении её хитрой, корыстной, злой, трусливой и льстивой. Так и в камчатских сюжетах она обманывает главного героя, например, Бурого

медведя, которого столкнула с горы, а его мясо отдала своим детям. Также лиса пошла на обман морских обитателей, чтобы с их помощью выбраться на берег и не утонуть;

– ещё одним отрицательным героем, являющимся привычным для классических сюжетов, выступает волк. Он кровожадный, злой, голодный и угрожающий. Например, в одном сюжете волк является охотником, который не готов находиться волчьей стае, поэтому обманом хотел поймать оленя Жизнив одиночку, но его отец жестоко проучил, выгнав из стаи. Поэтому здесь еще и старший волк является отрицательным гером;

– весьма интересным и нестандартным является персонаж рыбы бычка, который собирался захватить в свои владения речных рыб (сам он был главным среди обитателей моря). Этот герой придумал коварный и жестокий план, чтобы одержать победу над чавычей, хозяйкой речных рыб. Бычок также задирает лося, смеялся над ним и вымещал на него свою гнилую натуру;

– конечно, Кутх во многих сюжетах выступает негативным персонажем, обманывая героев и нанося им вред. В некоторых сюжетах ворон пользуется своей силой для нанесения вреда тем, кто слабее его. Также он обманывает персонажей, отбирает у них ценное, как в одном из текстов, где лживый ворон забрал у мышки нерпу, которая хотела отнести её своим детям.

3. Ложные герои.

– таким героем обычно выступает традиционная лиса–обманщица, которая обманывает других персонажей (медведя, Кутха, чаек, волка, гусёнка и др) ради достижения своих корыстных целей или для спасения своей шкуры из различных неприятностей. В одном из сюжетов лиса претворилась волком, надев его шкуру, и отправилась свататься к собакам;

4. Прислужники.

–такими персонажами выступили морские обитатели в одном из сюжетов, которые оказали помощь лисе, а та, в свою очередь, использовала их, чтобы добиться подлых целей;

–человек, превратившийся в тюленя, вынужден был выполнять поручения злого и жадного Кутха.

5. Отправители.

– таким персонажем выступает олень, часто белый олень – магический дух, который указал дорогу главному герою–человеку. Стоит сделать важную пометку касаясь образа оленя, так как он также является очень интересным для исследования. Итаколень занимает особое место во многих культурах мира, обладая разнообразным символическим значением: он является символом природы, изобилия, грации, мужества, также является проводником между людьми и Богом. Символика оленя варьируется в разных культурах, но часто основывается на его благородстве, изяществе и способности находить безопасный путь через сложные леса и пейзажи. Во многих традициях олень олицетворяет связь с природой и универсальные духовные стремления;

–лесной страж ворон, являющийся хозяином и творцом Земли, он спасал людей и направлял их на верный путь;

–Кутх, который является духом–хранителем, оказывал помощь морским обитателям и давал им советы, как поступать в тех или иных ситуациях;

6. Герои. Таких персонажей много как в традиционных сюжетах, так и в уникальных фольклорных:

–ярким примером является герой одного из сюжетов, самец куропатки по имени Ревне, который является главным персонажем, отправившимся на сватовство к дочерям ворона Кутха. Ревне проявил себя целеустремлённым,

смелым, находчивым, неунывающим, упорным персонажем, который по итогу достиг своих целей;

–очень интересный персонаж, который предстаёт в образе маленькой собаки, носящей имя Елтехенай. Она остаётся одна в доме злой старухи–колдуньи, желающей её съесть. Однако Елтехенай оказалась сообразительной и готовой к риску: она смогла обмануть старуху и спасла других заточённых зверей;

–во многих художественных текстах главных героев может быть несколько, чаще всего два. Например, в одном сюжете это олень и волк, соревнующиеся друг с другом. Олень мстит волку за смерть своей матери и одерживает победу, потому что обладает такими качествами, как смелость, отвага, находчивость и острое чувство справедливости;

–также в сюжете встречается рыба чавыча, самая главная среди речных рыб, которая своей смекалистостью, смелостью и уверенностью смогла одержать победу над огромным и злым бычком, хозяином среди морских обитателей, желавшим захватить главенство и над речными рыбами;

–естественно главным героем является Ворон–творец (Кутх), встречающийся в огромном количестве сказочных и легендарных сюжетах. Обычно он предстаёт в образе сотворителя Земли, смелого защитника и хранителя всего живого и природного. Он также часто странствует по свету, то опускаясь на дно морское, то возвышаясь до неба, попутно помогая всем нуждающимся. Но ворон также и выступает как отрицательный главный герой, проявляющий жестокость, жадность, хитрость и несправедливость;

–Куркыль (Кутх) смог победить всех остальных воронов, издевавшихся над ним, он проявил терпение, отвагу и находчивость.

Помимо основной классификации зооморфных образов встречаются также отдельные, не менее занимательные. Например, имеется сюжет, в котором Бурый медведь, лось и Горный баран рассуждали на тему своей

непохожести друг на друга. Здесь медведь предстал в образе вдумчивого философа, а лось и баран – глупыми, не желающими рефлексировать на глубокие и сложные темы. Также присутствует интересный образ лисы, которая раньше была девушкой, но из-за её неискренности и неспособности к чистой любви она получила наказание и обратилась в лису навсегда. Работа и исследование Л. П. Ковальчук наиболее подробно осветили данную тему; Ковальчук постаралась раскрыть вопрос о том как происходит взаимоналожение различных ментальных образов, например, таких как «женщина» и «зверь» в русской сказке[18]. Ещё один уникальный сюжет, в котором главным персонажем выступает орёл, желающий заполучить в жены самую прекрасную Луну. И притворившись своей сестрой орлицей, которая была подругой Луны, орёл добился от неё любви, и в последствии у них родился ребёнок. Интересно, что мотив слияния и прямого контакта животного с природой/небесными телами встречается всего несколько раз, хотя в фольклоре коренного населения Камчатского края животные и природа неотделимы друг от друга, так как это их среда обитания, дающая все необходимые ресурсы для жизни. А также природа и животные являются священными, их почитают и приносят различные дары.

Также несколько раз встречается сюжет с гусём или гусыней, не имеющих крыльев. Причем крылья они не потеряли при каких-нибудь страшных обстоятельствах; крыльев у этих птиц не было изначально, с самого рождения. В целом, гусь может быть символом верности, бдительности, творческого начала, плодородия и даже просвещения или трансформации. Во многих культурах эти птицы уважаемы как загадочные и мудрые существа, обладающие уникальными и важными качествами. Но в камчатских сказочных сюжетах гусь больше ассоциируется с беспомощностью, несправедливостью жизни, отчаянием и уязвимостью. Эти птицы брошены на произвол судьбы, и кажется, что надежды на спасение уже быть не может. Однако неожиданно появляется герой, который спасает

гуся/гусыню, а это, в свою очередь, может быть символом добродетели, милосердия и надежды.

Отметим, что образы в сюжетах легенд и сказок коренных народов Камчатки весьма разнообразны и интересны. Как упоминалось ранее, традиционные русские образы животных сочетаются с уникальными фольклорными, при этом не противореча друг другу, а наоборот отлично дополняя и гармонизируя. В итоге мы получаем интересный синтез персонажей и образов, которые позволяют по-новому взглянуть на уже привычных всем героев и, конечно, познакомиться с совершенно новыми персонажами. В нескольких текстах образ конкретно лисы используется, чтобы объяснить появление её шубки красного/рыжего окраса, а также появление белого кончика на лисьем хвосте.

2.3. Семантика и функции зооморфных образов камчатских сказок и легенд.

В исследованиях фольклористов многократно отмечалось, что семантика фольклорного образа может быть реконструирована только на основе его мифологических истоков. Вместе с тем, при изучении семантики сказочных образов следует помнить о коренном различии между мифологической и фольклорной образностью, состоящей в отрыве последней от магических и религиозных представлений, прежде всего, анимистических и тотемистических, которые, однако, продолжают «питать» образную систему сказки. Так, само упоминание имени героя-животного в сказочном фольклоре или легенде представляло собой свернутый вариант мифа, пробуждая в памяти слушателей устойчивые функциональные типы древних тотемных персонажей. Например, имя Кутх сразу определяло варианты развертывания сюжетных ситуаций, генетически восходящих к мифам, о герое-родоначальнике или творце мира, и тем самым сказки о деяниях Кутха

сохраняли сюжетные схемы, системы оценок, восходящие к традиции восприятия этого героя какдемиурга или прародителя.

Мифологическая семантика образа медведя в камчатских сказках и легендах также порождает круг представлений, восходящих к мифологической семантике хозяина нижнего мира, тотема, оборотня или духа-охранителя. Типы сказочных сюжетов камчатского края реализуют одну из мифологических «линий» развития данного образа.

Отдельно можно рассматривать образ волка в камчатских сказках и легендах. Специфика данного образа имеет универсальный характер, поскольку в его мифологической символике присутствует в качестве доминантного семантический признак «чужой», в связи с чем волк чаще всего соотносится с предками/мертвыми, выполняя роль посредника между мирами, гостя, вестника или похитителя, который переводит героя-человека из «своего» мира в «чужой». Также обнаруженный нами мотив похищения волком скота отсылает к универсальному мифологическому мотиву жертвоприношения тотему, в связи с чем данная сказочная сюжетная ситуация встречается практически у всех народов мира. Также отдаленность волка от человеческого мира мотивирует враждебность человеку этого персонажа, в связи с чем волк, как и ворон, часто выступает в сказках о животных в функции обманщика и похитителя, в то время как медведь, наоборот, в функции помощника и дарителя.

Любопытно, что в Камчатском фольклоре часто изображается состязание в хитрости не человека с волком, а ворона (по имени Кукки). Например, в сказке «Кукки и волк» рассказывается о состязании ворона Кукки с волками и победы над ними с помощью хитрости. Такую взаимозаменяемость человека и ворона можно объяснить центральной фигурой ворона в камчатском фольклоре, сохраняющим мифологические черты тотема-покровителя, осуществляющего космическую победу над

враждебными персонажами. В связи с этим образ ворона можно считать амбивалентным в камчатском фольклоре: разные ипостаси его мифологической сущности порождают различные типы образов ворона в камчатских сказках и легендах, способного выступать как покровителем человека, так и состязающимся с ним в хитрости персонажем, не заслуживающим доверия.

Таким образом, можно наблюдать непосредственную зависимость семантики и функций зооморфных персонажей камчатских сказок и легенд от степени близости того или иного животного к среде обитания и хозяйственной деятельности людей, либо от возможных ассоциаций с человеческой деятельностью на основе принципа подобия. Так, например, медведь, в отличие от волка или ворона, часто предстает более близким к человеку персонажем-помощником, благодаря выястраиванию подобий между добычей меда медведем и человеком, уподоблению медвежьей берлоги человеческому жилью и т.д. В противоположность медведю, между человеком и волком или вороном первобытное сознание не выявляло никаких внешних признаков подобия, что во многом и определяло устойчивость соотнесения этих персонажей с «чужим» миром, т.е. миром мертвых, миром предков, а также представляющих определенную опасность для человека. Этим объясняется, например, отсутствие мотива состязания в камчатских сказках о человеке и медведе и его наличие в сказках о Кутхе, пообещавшем стеречь оленей и обманувшем человека, из-за чего утратил его доверие.

В камчатских сказках и легендах довольно часто встречается образ рыбы или различных морских обитателей, которые, по принципу аналогии, становятся положительными, благосклонными человеку персонажами, поскольку являются жизненно необходимым источником пищи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зооморфные образы в сказках и легендах коренных народов Камчатки представляют собой богатый и многогранный материал для исследования и понимания культурных особенностей северных народов. Они не только имеют величайшее культурное значение для сохранения национальной

идентичности коренных народов, но и являются своего рода тропой к пониманию духовных ценностей народов Камчатки. В местных традициях зооморфные образы и олицетворяют животных, а также передают мудрость и знания прежних поколений. Они играют роль символов единения человека с природой, рассказывают о взаимозависимости и взаимоуважении всех элементов окружающего мира. Исследование зооморфных образов позволяет углубиться в мироощущение и нравственные ценности коренных народов Камчатского края, раскрыть глубинные аспекты их мифологического наследия, сохраняющегося в семантике и функциях зооморфных персонажей фольклора.

Тотемные животные, представленные в фольклоре народов Камчатки, имеют особую социокультурную функцию. Они объясняют происхождение мира, законы природы, социальные уклады и морально–этические нормы. Каждый зооморфный символ несет в себе смысловую нагрузку и связан с конкретной функцией в культуре и жизни коренных народов полуострова. Понимание и оценка зооморфных образов помогает раскрыть уникальные аспекты их культуры и духовных ценностей.

В нашей работе была предложена классификация зооморфных образов с учетом мифологической семантики и образности, специфичной для Камчатского края, определены взаимосвязи между мотивами и сюжетными ситуациями о животных и мифологической образностью зооморфных персонажей, связанной с бытом и средой обитания народов Камчатки.

Также были определены мифологические основания оценочных характеристик зооморфных персонажей, связанные, с одной стороны, с мифологическими «амплуа» универсальных типов персонажей (демиург, прародитель, трикстер и т.д.), а с другой – со степенью близости тех или иных животных к человеческому миру (полезные/опасные животные, удаленные от человека/обитающие поблизости). Также важную роль играют

сложившиеся в эпоху глубокой древности фиксации определенных признаков, легших в основу мифологических подобий. Так, например, добыча медведем меда воспринималась как подобная человеческой деятельность, что служило основанием для выстраивания многообразных рядов подобий между медведем и человеком на разных уровнях сказочного сюжета.

В результате проделанного практического исследования были выявлены зооморфные персонажи сказок и легенд, выполняющие типологически близкие функции, например, Ворон, волк и лиса, часто предстающие в качестве обманщиков, или Ворон, медведь, горбуша, выступающие в качестве помощников и друзей человека.

Вместе с тем, выявлены сюжеты сказок и легенд, в которых сохраняется характерная для эпохи синкретизма нерасчлененность различных свойств персонажа, в результате чего один образ может разделяться на несколько ипостасей, как в сюжете о сильном и слабом воронах, вступающих в борьбу друг с другом.

Животный эпос народов Камчатки сохранил уникальные архаические черты, свидетельствующие о глубинных связях с мифологической картиной мира, сохранение которых обусловлено особенностями среды обитания и типа хозяйствования.

Наиболее глубоко укорененным в мифологических представлениях является образ ворона Кутха – могучего прародителя и творца мира, посредника между потусторонним миром и миром людей, связующего звена животных и людей. Уникальность этого зооморфного образа обнаруживается в устойчивости обнаруживаемых в нем архаических черт. Образ ворона, птицы-творца мира и подателя благ, характерен для большого количества районов Арктической зоны, Северо-Восточной Азии, Аляски и некоторых других соседних регионов. Вероятно, климатические зоны обуславливают

сложный комплекс мифологических представлений, обеспечивающих устойчивость ключевых образов, объединяющих различные регионы, народы и культуры, несмотря на множество исторически сложившихся различий между ними. Выявление генезиса и специфики общих мифологических и фольклорных персонажей народов, проживающих на соседних территориях, — одна из актуальных задач современной фольклористики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамкина Е. И. Читаем сказки народов Камчатки: культурно–познавательный проект / сост. Пех. О. И. – Петропавловск–Камчатский: КГБУ Камчатская краевая детская библиотека им. В. Кручины, 2021. – 44 с.
2. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания [сборник]. – Москва: Наследие, 1994. – С. 3–38

3. Агафонова А. Сказочная Камчатка: сборник / сост. Агафонова А.; худож. Соколова Е., Геллер В. – Москва: ООО «Пресс Код», 2021. – 112 с.
4. Батьянова Е. П. Визуальные образы в мировоззрении, мифологии и фольклоре народов Севера // Вестник урovedения № 4. – 2018. – 10 с.
5. Бекмурзаева Ф. Ш. Внутренний мир человека как средство символизации в фольклорных текстах русской культуры // Вестник КГУ №3. – 2023. – 6 с.
6. Беляева М. Е. Фольклорное наследие Малюковича В. Н. Обрядовые праздники коряков: фольклорно–этнографический сборник / сост. Беляева М. Е. – Петропавловск–Камчатский: «Камчатпресс», 2016. – 68 с.
7. Беляева М. Е., Гончарова А. А. Фольклор народов Камчатки: (из архива Поротова Г.): сборник / сост.: Беляева М. Е., Гончарова А. А. – Петропавловск–Камчатский: «Камчатпресс», 2012. – 64 с.
8. Беляева М. Е. Нематериальное культурное наследие как ресурс развития этнотуризма в Камчатском крае // IV Всероссийский конгресс фольклористов. – 2019. – 6 с.
9. Бескова И. А. Как возможно творческое мышление? – Москва: ИФРАН, 1993. – 196 с.
10. Веселовский А. Н. Статьи о сказке // Собр. соч. Т.16. – Москва, 1938
11. Воробьева Н. А. Сказки бабушки Тайя: сказки и предания береговых коряков в записях Поповой А. И. / Беляева М. Е.; сост. Воробьева Н. А. – Петропавловск–Камчатский: «Камчатпресс», 2018. – 100 с.
12. Голованева Т. А. Опыт интерпретации ительменской сказки [Электрон. ресурс] // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2003. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-interpretatsii-itelmenskoj-skazki/viewer> (дата обращения: 21.01.2024)
13. Голованева Т. А. Сюжет корякской сказки о мышатах, подвешенных к дереву: генезис и этнографический контекст // Сибирский филологический журнал. – 2022. – № 1. – С. 9–22.
14. Гончарова А. А. Отражение культа медведя в обрядах и мифологической прозе народов Камчатки: сюжеты, мотивы, семантика // Архивные материалы. – Петропавловск–Камчатский. – С.59–69
15. Гончарова А. А., Беляева М. Е. Мифологические сказки о Вороне. – Нижний Новгород: типография «ИП Кузнецов», 2017. – С.92–131
16. Горбачева В. В. Обряды и праздники коряков. – Санкт–Петербург: Наука, 2004. – С.3–8

17. Гюрджинян А. С., Барбаков О. М., Белоножко М. Л. Защита коренных малочисленных народов Севера // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика № 2, 2018. – 8 с.
18. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 2. – 1881
19. Зеленин Д. К. Религиозно–магическая функция фольклорных сказок// С. Ф. Ольденбургу. К 50–летию научно–общественной деятельности. – Ленинград, 1934
20. Камалова Л. А. Детский фольклор: Методическое пособие для студентов высших педагогических учебных заведений по специальности «Педагогика и методика начального образования», по направлению «Педагогическое образование» профиля «Начальное образование» (бакалавр) // Издательство Татарского государственного гуманитарно–педагогического университета. – 2011. – 153 с.
21. Ковальчук Л. П. Смещение ментальных пространств «женщина» и «лиса» в русском сказочном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики №2(039). – 2014. – 9 с.
22. Коваш Д. П. История изучения корякского фольклора // Язык и культура. – 2012. – 6 с.
23. Коротова О. Н. Кроноцкий государственный природный биосферный заповедник [Электрон. ресурс] // Издат. Дом «Первое сентября». – 2009. – Режим доступа: https://kamlib.ru/resources/full_text_search/kamchatka-v-tsentralnoy-presse/detail/kronotskiy-gosudarstvennyy-prirodnyy-biosfernyy-zapovednik/ (дата обращения: 23.01.2024)
24. Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса // Главная редакция восточной литературы изд–ва «Наука». – Москва, 1987
25. Крылов И. А. Ворона и лисица // Драматический вестник. – 1808. – 32 с.
26. Кузьмина Р. П. Фольклорные произведения как источник духовного взаимодействия народов // Региональной научно–практической конференции «II Роббековские чтения» / Гуманитарные науки №3(9). – 2026. – 3 с.
27. Лебедева Е. П. Архаические сюжеты эвенкийской сказки о животных. // Языки и фольклор народов сибирского Севера. – М., Л.: Наука, 1966. – С. 184–202.
28. Мариничева Ю. Ю. Русские сказки о животных: система персонажей. – Санкт–Петербург: Антропологический форум № 15, 2011. – С.216–233

29. Мелетинский Е. М. Первобытные истоки славянского искусства / Ранние формы искусства. – Москва, 1972
30. Мелетинский Е. М. Структурно–типологический анализ мифов северо–восточных палеоазиатов (Вороний цикл) // Типологические исследования по фольклору [сборник]. – Москва, 1975
31. Меншиков Г. А. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / Сост., предисл. и примеч. Меновщикова Г. А. – Москва: Наука. – 1974. – С.5–48
32. Намычкина Е. В. Сказка как литературный жанр // Литературоведение. – 2010. – 7 с.
33. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электрон. ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <https://ozhegov.info/slovar/?q=образ> (дата обращения: 17.02.2024)
34. Осипов Ю. С. Большая российская энциклопедия [Электрон. ресурс]. – 2004. – Режим доступа: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1876739 (дата обращения: 16.05.2024)
35. Петрашева В. В., Иванов В. В. Вулканическая жизнь Камчатки. Легенды страны огнедышащих гор // История и педагогика естествознания № 2. – 2014. – 6 с.
36. Петрова В. А. Эвенский нимкан о лисе и старике Бочиликане: к вопросу о вариативности и типологии сюжетов // Вестник СВФУ №4. – 2010. – 4 с.
37. Подмаскин В. В. Отражение славянских эпических традиций в фольклоре коренных малочисленных народов Дальнего Востока России (XVII–XX вв) // Археология, этнография, культура. – 2015. – 9 с.
38. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки [Электрон. ресурс]. – 1928. – Режим доступа: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/propp-morfologiya-volshebnoj-skazki/index.htm> (дата обращения: 26.04.2024)
39. Пронина Е. П. Культура коренных народов Камчатки: гармония человека и природы [Электрон. ресурс]. – 2010. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-korenyh-narodov-kamchatki-garmoniya-cheloveka-i-prirody/viewer> (дата обращения: 13.05.2024)
40. Райгородецкий Г. Хозяин Камчатки: [Один из крупнейших подвидов бурого медведя под угрозой] [Электрон. ресурс] // National Geographic. – 2006. – Режим доступа: https://kamlib.ru/resources/full_text_search/kamchatka-v-tsentralnoy-presse/detail/khozyain-kamchatki/?sphrase_id=101710 (дата обращения 20.01.2024)

41. Ржавитина А. А. Образ животного в культуре: динамика представлений в истории философско–гуманитарного познания // Челябинский гуманитарий. – 2022. – № 2 (59). – С.48–55.
42. Романко Ю. С. Ительмены – один из древнейших народов планеты // Арктика и Север. – 2013. – №12. – 10 с.
43. Рудин Р. В. Камчатские сказки: в 2 кн. Кн. I / пересказал для детей Рудин Р. В.; худож. Журова В. – Петропавловск–Камчатский: «Камчатпресс», 2017. – 156 с.
44. Рудин Р. В. Сказки чукчей: сборник / сост. Рудин Р. В.; худож. Бороздин Т. О. –Петропавловск–Камчатский: «Камчатпресс», 2017. – 144 с.
45. Санги В. М. Легенды и мифы Севера: [сборник] / [сост. и примеч. Санги В. М.; вступ. ст. Пошатаевой А. В.; оформл. Чупрыгина Б.; ил. Петрова В.]. – Москва: Современник. – 1985. – С.296–302
46. Сениченко С. О. Картина мира народов Севера // Этносы и культуры: история и современность. – 2010. – 6 с.
47. Серикова Т. Ю. История формирования понятия «образ» в гуманитарном знании [Электрон. ресурс] // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-formirovaniya-ponyatiya-obraz-v-gumanitarnom-znanii> (дата обращения: 17.02.24)
48. Сметанин А. Н. Пресноводные и морские животные Камчатки: Крабы, моллюски, иглокожие, рыбы, морские млекопитающие: Альбом [Электрон. ресурс] // Новая книга, 2004. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-knige-presnovodnye-i-morskie-zhivotnye-kamchatki-smetanin-a-n-presnovodnye-i-morskie-zhivotnye-kamchatki-kraby-mollyuski-iglokozhiye-ryby> (дата обращения 27.12.2023)
49. Смышляев А. А. Корякские и ительменские сказки: изд. 4–е / сост. Смышляев А. А.; худож. Столяров В. И. – Петропавловск–Камчатский: «Новая Книга», 2022. – 93 с.
50. Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. – Петропавловск–Камчатский. Камчатский печатный двор: Кн. изд–во, 1999. – С. 157
51. Тамарченко Д. Н., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория художественного дискурса / Теоретическая поэтика. – Москва: Издательский центр «Академия», 2004
52. Тейкин М. С. Этноним *камчадал* в лингвистическом пространстве Северо–востока России // Ученые записки Петрозаводского Государственного университета. – 2019. – №7(184). – 9 с.

53. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов. – 1974
54. Топоров В. Н. Исследования по типологии и семантике. – Москва: Языки славянской культуры, 2004
55. Ушаков Д. Н. Толковый словарь [Электрон. ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/> (дата обращения: 19.02.2024)
56. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / Подгот., общ. ред., предисл. и послесл. Н. В. Брагинской, послесл. И. В. Пешкова. – Москва: Лабиринт, 1997. – 448 с.
57. Хазанкович Ю. Г. Мифологический код в поэме Георгия Поротова «Крылатый Кутх, или Песнь о любви» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – С.57–60.
58. Хайрулина А. Р. Зооморфная метафора и ее образы. – 2013. – 13 с.
59. Чернец Л. В., Хализев В. Е. Введение в литературоведение // Литературное произведение: основные понятия и термины. – 1999.
60. Чечулин Б. Сказки родом из Анапки: сборник / сост. Беляева М. Е., Воробьева Н. А. – Петропавловск–Камчатский: «Камчатпресс», 2021. – 48 с.